

За тридцать пять лет своей жизни я раздумывала о самоубийстве ровно три раза. В тринадцать — когда в детской поликлинике мне нахамила мордастая регистраторша. В двадцать пять — когда было так хорошо, что казалось и жить дальше незачем. И сегодня.

Я толком не сплю почти неделю, мать за тонкой перегородкой нашего пентхауса храпит с мощностью военного вертолета. Каждую ночь я будто бы ложусь спать на взлетно-посадочной полосе, откуда ежеминутно взлетают «МиГи». Предусмотрительно взятые с собой беруши не помогают, мерзкие звуки храпа просачиваются даже сквозь эту защиту и доводят меня до истерики. Удастся отключиться лишь к четырем утра, когда просыпается мать. Я проваливаюсь в черноту сна без видений, а она ждет до семи утра — смотрит старые записи юмориста Гальцева на Ютубе. Как только солнце показывается из-за гор, мать подскакивает с постели и идет меня будить — пора на пляж.

Подо мной лежак из искусственного ротанга, галька нагрелась до верхнего предела моего болевого порога, совсем близко плещутся холодные воды Которского залива. Слева от меня на трех лежаках расположилось веселое сербское семейство. Высокий отец с седыми волосами и правильными чертами лица, по которым еще можно разглядеть в нем бывшего красавчика. Его толстая жена с телом палеолитической Венеры в преступно откровенном купальнике: она тушит о гальку очередной бычок, докуренный до самого фильтра, и тут же другой рукой вытаскивает из пачки следующую дешевую сигаретку и скорее подносит ее ко рту. Между двумя затяжками жена успевает зайтись в тяжелом, надсадном кашле. Я жду, что вот-вот кусок ее прокопченных легких шмякнется на камешки и начнет немедленно поджариваться под полуденным солнцем. Ваша плескавица¹ готова, мадам. Сегодня этого не происходит, но кто знает, что будет завтра?

Между отцом семейства и его женой шныряют их малолетние дети. Детей много, как это принято на Балканах, — минимум трое. Они все время меняются местами с другими детьми на пляже, и угадать, где чей ребенок, мне не представляется возможным. Дети орут, плачут, едят мороженое,

¹ Плэскавица — блюдо в виде круглой плоской котлеты из рубленого мяса, популярное на Балканах.

кидаются камнями, стреляют друг в друга из водяных пистолетов, тонут, теряются, ломают ноги, хотят пить, хотят пончик сомнительного происхождения с лотка местного разносчика выпечки, наступают в сотый раз на мои шлепки, рассматривают меня во все глаза, смеются, скандалят, обижаются, ищут клад — в общем, счастливо проживают свое детство. Они мне не мешают. Я умею переключаться на белый шум, умею сосредотачиваться на чем-то своем. В руках у меня смартфон, в смартфоне книга Нобелевского лауреата по литературе за 2015 год Светланы Алексиевич. Прекрасный выбор для подобного вида отпуска, в который раз убеждаюсь я за эти дни. Иначе бы давно — за буйки, под быстрый катер и до скорой встречи на том берегу Стикса.

Справа от меня со своего лежака пристально наблюдает за всем происходящим на пляже моя шестидесятипятилетняя мать. Она — эталонный образец бодипозитива: никогда не знавшие бритвы подмышки гордо выставлены на всеобщее обозрение, ноги с длинными темными волосами подставлены солнцу, под коленями, как по карте России, растеклась венозная сетка выпуклых рек. Лет двадцать назад я бы стгорала от стыда за нее, пряталась бы под полотенцем и всеми силами делала вид, что знать не знаю, кто эта странная женщина-йети. Сейчас, боже, как хорошо — сейчас мне всё равно.

АИДА ПАВЛОВА

Наверное, людям со стороны, если вдруг по какой-то нелепой причине они решат порефлексировать на наш счет, может показаться всё это милым: престарелая мать на отдыхе со своей великовозрастной дочерью. Ах, посмотрите, какие трогательные отношения! Каждое утро, примерно в семь утра, мать и дочь приходят на пляж, всегда занимают одни и те же лежаки, всегда загорают только до десяти, а после сидят исключительно под зонтиком, чтобы, не дай бог, не обгореть. Мать ходит плавать два раза, каждый раз в воде проводит не менее получаса, долго висит на буйках, задумчиво разглядывает высокие зеленые горы, обступающие залив, а затем поворачивается к берегу и так же долго, внимательно разглядывает отдыхающих. Дочь заходит в воду ровно один раз, когда еще практически нет людей, а утренняя вода прозрачна и холодна, она всегда плавает около берега и никогда там, где любит барахтаться ее мать. Затем дочь ложится на лежак, достает смартфон и полностью уходит в чтение, игнорируя всё и всех вокруг. Ну, разве не милая пара? Около полудня обе женщины, оставив свои полотенца, возвращаются в отель, чтобы потом, спустя много часов, вновь появиться на пляже, когда солнце уже не так обжигает, по гальке возможно ходить босиком, а морская вода прогрелась до почти комфортной температуры. Мать вновь кинется плыть до буйков,

вновь будет рассматривать людей, прислушиваться к их разговорам на непонятном для нее языке, а дочь по-прежнему увлеченно станет всматриваться в экран смартфона. В целом они не слишком интересные люди для длительного наблюдения. День за днем всё у них одинаково, похоже и пресно. Так, я допускаю, подумает кто-то. Если вообще кто-то что-то захочет подумать о нас.

На самом деле всё это — одна большая ошибка: ехать сюда вдвоем, впервые сопровождать мать в ее первую с 1983 года поездку за границу. О чем я думала? Неужели действительно верила, что всё будет весело, интересно, беззаботно, ослепительно? Пленницей каких странных фантазий я стала! Нет-нет, нельзя заплывать за буйки. Я боюсь, что не захочу вернуться.

На второй день отпуска мы поехали в соседний город — Херцег-Нови. От нашей прибрежной деревушки до него пятнадцать минут на автобусе. Остановка в трех минутах ходьбы от отеля, где мы живем, одного из лучших на побережье. Проезд стоит один евро с человека. Всё легко и понятно. Карты скачены на телефон. На картах — подробные метки: вот автовокзал, вот главная улица, вот храм, а вот церковь, вот памятник, а вот главная площадь. Дома я так часто просматривала этот маршрут, что уже в автобусе

у меня случилось легкое дежавю. Кажется, будто всё знакомо, изъезжено, известно.

Я знала, что матери никуда не захочется ехать. Всё, что ей нужно, — это пляж, море, другие люди для визуального изучения и последующего обсуждения и ресторан при отеле. Но мне скучно, я так не могу, меня угнетает собачье существование, когда один день не просто похож на другой, а является мучительным продолжением первого, и тянется, тянется, тянется, как спазм во время менструации, и, кажется, не закончится никогда.

Еще в Москве мы договорились: будем относиться с уважением к желаниям друг друга и постараемся сделать отдых комфортным для нас обеих. А значит, пляжное безделье комбинируем с экскурсиями, улыбаемся, поддерживаем бодрость духа и не онанируем на прошлые обиды, коих накопилось за последние тридцать пять лет столько, что и не снилось Толстому. Надо ли говорить, что всё пошло прахом в первые же сутки?

На мое предложение поехать самостоятельно в соседний городок мать кривит недовольную мину:

— А что там делать?

— Как что? Изучать новое место, посмотреть архитектуру. Между прочим, это крупнейший город тут, на побережье.

— Как называется? — недоверчиво спрашивает она.

— Херцер-Нови.

— Кажется, у меня там были сотрудники. У нас уже все тут отдыхали, а некоторые не по одному разу. Но где они были — я не алё. Может, и в этом Хер-Нова.

— Херцег-Нови, — поправляю я, — судя по фотографиям, городок красивый. Да и что тут делать в обед? Мы в жару на пляж не пойдём, а в номере телевизор смотреть — тоска.

— Тоска зеленая, — соглашается мать. И мы поехали.

Сербский шалун обстреливает меня из водяного пистолета. Мне щекотно, я совсем не злюсь на него. Показываю родителям ребенка, что всё в порядке, но они и не думают обращать на меня внимание, тем более им и в голову не приходит сделать сыну замечание. Он с радостным криком уносится к морю, чтобы пополнить боевой запас своего смертельного оружия. Я невольно улыбаюсь и еще несколько мгновений наблюдаю за мальчиком, прежде чем погрузиться обратно в безысходные интервью героев книги Светланы А. Алексиевич. Как ни странно, от них мне становится гораздо легче на душе.

К автобусной остановке мы специально выходим за пятнадцать минут до автобуса. По невероятной жаре мать идет нарочито медленно,

всем своим видом демонстрируя мне, главному зрителю, как ей не хочется куда-то идти, как лучше бы мы остались в номере и щелкали по российским каналам до самого обеда и полного отупения, а потом, как вчера, спустились бы в ресторан, заказали суп, последили бы за жизнью других через окно, и снова — номер, телевизор, российские новости, какие-то глупые сериалы про пластмассовую жизнь манекенов («ты не любишь меня! Да я люблю тебя! А как же Алексей? Алексей — мой брат от сводной матери! Алиса, прости меня за всё и выходи за меня замуж»), затем пляж, море, пляж, море. В голове, как комар в ночи над ухом, назойливо бьется мысль: «Зачем я во всё это впуталась? Что опять мне хотелось доказать? А главное, кому? Себе? Ей? Господи, смешно-то как». Но было не смешно.

На пыльной остановке мы ждем десять минут. Нас обеих удивляет напряженный дорожный трафик в нашей деревеньке: караваны автомобилей, маршруток и автобусов активно снуют в обе стороны. Машины со всевозможными европейскими номерами: Австрия, Германия, Нидерланды, Франция. Встречаются и украинские, и российские. А что уж говорить про сербские, македонские.

На каждый увиденный на горизонте автобус мать вскакивает и кричит:

— Это наш? Наш? Хер-Нова?

— Я отсюда не вижу. Сейчас подъедет поближе — посмотрим.

Этот — не наш. Вон другой. Тоже — не наш. И этот — тоже. Мать нервничает. Разумеется, я ее понимаю: она впервые в другой стране, пусть и там, где название «Пекарня» означает ровно то же, что и на родной земле, а автобус — это бус, без первого корня, но еще есть же я, я рядом. Я, объездившая полмира, жившая в других городах, странах, знающая английский, в конце концов, подготовившая эту поездку! Почему бы не расслабиться и не довериться мне?

Подходит очередной бус, на нем большая табличка на кириллице «Херцег-Нови». Я даю матери отмашку:

— Вот этот — наш.

Она испуганно трясет головой. Я начинаю злиться:

— Да наш это, наш.

— Почему он такой большой? Почему он такой высокий? Это туристический автобус!

Я не знаю, почему автобус такой большой, возможно, он едет из самой Подгорицы, а может, и откуда подальше — из Сараево, например, или из Белграда. Я подхватываю мать под руку и буквально запихиваю на ступеньки. Двери захлопываются, альтернативы больше нет. Мать поднимается в салон и неловко здорывается с равнодушными пассажирами:

— Здрасти, здрасти. Здрасти всем.

Все, конечно, молчат. Мы садимся рядом друг с другом на свободные места и едем в Херцег-Нови.

Я убеждаю себя: «Всё будет хорошо. Она пожилой человек, она нигде никогда не была, если не считать той давней и единственной поездки в Эстонию в 1983 году. Конечно, ей страшно. Конечно, она не уверена ни в чем, в первую очередь в себе. Но я-то знаю дорогу, знаю, как нам туда доехать и как оттуда выбраться. Всё будет хорошо». Я сжимаю руку матери и говорю:

— Не волнуйся. Мы едем правильно.

— А я и не волнуюсь, — неожиданно резко и зло отвечает мне она, — посадила нас на туристический автобус ты, потом с нас еще деньги возьмут как за экскурсию. И не один евро, а пятьдесят или сто. Выставишь нас на деньги. Вот увидишь, мы так легко отсюда не выйдем.

Стекланным пустым взглядом я смотрю перед собой. На что я надеялась? О чем думала, когда соглашалась на такой отпуск? Где вообще была моя голова?

Путешествия мне всегда казались самым большим счастьем в жизни. Не дети, не безумные богатства, не стахановские достижения на работе, не сплетни в кругу подруг за столиком в кафе, не красивая любовь в обертке из ресто-

ранов, цветов и подарков. Только дорога, самолеты, поезда, автомобили, новые города, другие люди, странные языки, запах вокзалов, тяжесть рюкзака за спиной, — вот что делает меня счастливой, живой, если угодно. Я читала о путешествиях еще ребенком, закрывшись в маленькой комнате, которую делила с бабушкой, помешавшейся на латиноамериканских сериалах. Так вот просто и безумно мы жили: я мечтала увидеть Париж, бабушка мечтала, чтобы Луис Альберто и Марианна поскорее поженились. Вечерами, перед сном, мы делились друг с другом своими переживаниями. Помню размеренный стук вязальных спиц, голоса актеров озвучки сериала из-за шкафа, бабушкины вскрики и охи, иногда даже тихий плач. Это, несомненно, мешало мне читать, мешало переноситься в мир мушкетеров, в мир красного и черного, в мир, где есть лишь отвага и честь, есть Париж, Гасконь и Собор Парижской Богоматери. Тогда-то я и научилась выключать весь остальной мир, полностью уходить в читаемое, закрывать дверь в реальность и растворяться в книге без остатка.

Путешествия — это никогда не было про нашу семью. Мы: мать, отец, я и бабушка, не выезжали никуда дальше деревни в Московской области. Электричка, автобус и километр пешком — вот и все наши приключения. В конце мая меня отвозили, в конце августа забирали. Жили